

УДК 930.85(315):[003.324.1+821.581'01-343]

Ли Фэй

Научный руководитель – доктор культурологии,
профессор Смолик А.И.

«ШИ-ЦЗИ» СЫМА ЦЯНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Данная статья посвящена анализу ценного источника по изучению истории китайской цивилизации и её богатой уникальной культуры (древнекитайской логографии, в частности) – «Ши-цзи» Сыма Цяна, ставшего причиной «культурного прогресса», а также оказавшего существенное влияние на современный этап исследования китайской культуры. Кроме того, в статье автором огромное внимание уделяется центральным моментам идеологии, религиозного восприятия и мировосприятия китайского народа, особенностям его

духовной и художественной культур, а также эволюции и трансформации их форм в процессе развития китайского общества.

Ключевые слова: история, Китай, мифология, общество, цивилизация, тотем, духовная культура.

The article analyzes the impact of the "Records of the Grand Historian", the earliest Chinese literature, on the Chinese civilization and its uniqueness. It also points out that it is one of the critical foundations for the development of Chinese culture, and still influencing the research on today's history and culture. In this article, the author focuses on the historical view, religious outlook, and the world view of Chinese culture, and the evolution of these elements in the development of Chinese history.

Keywords: history, China, mythology, society, civilization, totem, arboriculture.

Сознание человека традиционного общества постепенно отрывалось от практики, вырабатывая обобщенные представления о мире, стремящиеся объяснить все сущее и происходя-

щее в природе и в человеческом бытии. Правда, на этой стадии психической деятельности они оказывались иррациональными и могли достигать своих целей лишь фантастически-мистифицирующей трактовкой реальности – мифом. «... В цивилизациях примитивных народов, – подчеркивал Б. Малиновский, – миф отнюдь не лишена содержания выдумка, а, напротив, – живая реальность, к которой человек постоянно обращается; это ни в коей мере не абстрактная теория и не простое развертывание образов, это кодификация религии примитивных народов и их практической мудрости...» [3, с. 107–108].

В древнем Китае уже в мифические времена была осознана и реализована потребность превращения рациональной практической деятельности в особую отрасль духовного производства, цель которого продуцировать, сохранять и транслировать знания о том, что казалось реально существующим. Анализ китайской мифологии позволяет говорить о широком распространении *логографии*, т. е. описания единичного, того, что было.

Ценным источником по древнекитайской логографии являются «Исторические записки» («Ши цзи»), автором которых является Сыма Цянь [2].

В 104 г. до н. э. он завершил работу по систематизации собранного многочисленного материала и приступил к изложению истории Китая. Перед тем, как раскрыть содержание труда Сыма Цяня следует отметить, что и до него были Ши, т. е. люди ведущие записи. Свидетельством тому являются древнейшие записи на костях, черепашьих щитках и бронзовых сосудах. На них содержится информация о событиях при дворе вана, о жертвоприношениях, речи ванов. Примером таких письменных памятников являются «Шан шу», «Чунь-цю», «Тао у» и др. При позитивной их оценке все же необходимо отметить их ограниченность. Все они характеризовались исключительной лапидарностью. Например, «Шан шу» состоял всего из 40 иероглифов. В них не было анализа и обобщений исторических закономерностей, причинной зависимости в развитии истории. Иное дело труд Сыма Цяня, завершение написания которого относится к концу 2-го века до н. э.

Анализируемое сочинение состоит из 500 тысяч иероглифов, разбитых на 130 глав. В них излагается история не только ханьцев, но и других народов, связанных с Поднебесной. Автор так охарактеризовал свой труд: «... Я как тенетами весь мир Китая обнял со всеми старинными сказаниями, подверг суждению, набросал историю всех дел, связал с началами концы, вникая в суть вещей и дел, которые, то завершались, то разрушались, то процветали, то упали, и вверх веков, и вниз...» [2, с. 43]. Если предыдущие записи охватывали непродолжительный отрезок времени, то Сыма Цянь излагает историю с мифических времен до современного ему периода. Автор записок проникает в суть изменений, происходящих в древности, применяя впервые исторический метод. С его помощью он сумел привести в систему и изложить относительно объективно историю Древнего Китая до 2-го века до н. э.

В главе Бэнь-цзи Сыма Цянь описывает события доисторического периода, где переплетаются мифологические предания древних китайцев с реальными событиями. Мифы и легенды, собранные историком, говорят о множестве событий и о деяниях героев древнейших эпох. В них вымысел и фантастика перемежаются с отголосками подлинных далеких социальных процессов в жизни первобытных людей, дошедших до потомков в смутной, измененной форме. Несмотря на это современный вдумчивый исследователь найдет здесь немало косвенных данных, раскрывающих древнейшие этапы истории китайского народа. Так, в борьбе Хуан-ди с Янь-ди и Чи-ю, с непокорными сяньюйцами, санмяо, мань, и слышны отзвуки ожесточенных межплеменных сражений той эпохи. Постоянное упоминание во многих преданиях лишь матери культового героя, а не отца свидетельствуют о существовании матриархата.

В главе Сыма Цянь много внимания уделяет описанию этапов в освоении природы древними китайцами. Например, Ху-уцзи. Владычающий над Просом спустился с Неба, чтобы дать все злаки людям. Получив семена злаков из небесного мира, он начал возделывать землю и получать богатые урожаи. Своими знаниями и опытом он поделился с народом племени чжоусцев, научив их сеять злаки: Он же, по преданию, начал изготавливать из дерева и камней простейшие сельскохозяйственные орудия и учить своих близких обрабатывать землю.

Согласно китайской мифологии, его младший брат по имени Тай-си и его сын Шу-цзюнь также были искусными земледельцами. Шу-цзюнь при обработке земли стал использовать быков вместо людей, что способствовало урожайности.

Довольно детально излагает Сыма Цянь события, связанные с деятельностью героев эпохи Ся (III в. 1-й половины II тысячелетия до н. э.). По мнению современных ученых, в этот период родовое общество уже переживало кризис, зарождались классы. Раздел, посвященный эпохе Ся, историк начинает с представления читателю легендарного родоначальника «династии» саяского Юя, которому китайская история приписывает благоустройство всей территории Поднебесной, создание областей, упорядочение рек и озер и многие другие деяния, суммирующие процессы нескольких тысяч лет. Мифологический аспект деяний Юя выразительно проступает в тексте об усмирении потопа. В сражении с потоком герой опирался на план, начертанный речным духом. С помощью драконов он прорывал реки и каналы, возводил дамбы. Наличие в тексте значительного пласта преданий о потоке, наш взгляд, свидетельствует о том, что тема потопа в китайской логографии явно содержит в себе идеи о начале мира, его организации, преодолении хаоса и установлении порядка. Юя, борющегося с потоком, по праву можно отнести к творцу земли, ее природных богатств. Так, Юй сам делал реки, прорывал их русла, создавал горы и холмы, рассекал их ущельями, делал равнины, сливал реки в моря и делал сам моря. Безусловно, Юя следует рассматривать как собирательный образ культурного героя, покорителя природы, воплощавшего лучшие черты человек древнего Китая.

Весьма точно изложена Сымом Цянем гидрография Китая, в разделе Записок описано состояние основных речных бассейнов Поднебесной, включая и крупнейшие озера того времени. Современный исследователь найдет здесь подробное описание почв и земель всех регионов Китая. На основании сравнения современного состояния речных бассейнов и почв можно выявить изменение, которые произошли в Китае за последние 3 тысячи лет.

Важное значение в историографическом плане, на наш взгляд, имеет текст главы Инь бэнь цзи. Она посвящена иньской эпохе. Если в предшествующих разделах Сыма Цянь описывал события легендарных периодов, то здесь рассказывается о первом подлинно историческом этапе жизни китайского народа. В главе содержится полный и последовательно хронологический перечень 44 правителей иньской эпохи. Кстати, 36 их имен подтверждены синологами путем расшифровки записей на гадательных костях. Следует отметить, что общая канва истории Инь, представленная в перечне ее правителей подтверждена также эпиграфикой, что повышает ценность главы как исторического источника [2, с. 105].

Несомненный интерес для современных исследователей представляет материал, имеющийся в главе, о местах расположения иньских центров в Бо, Ао, Шаньчжоу и т. д. Сыма Цянь описывает восемь перемен резиденций иньских правителей. Географические данные расположения ставок правителей подтверждены китайскими археологами. Из частой смены мест резиденций можно сделать вывод о неразвитости общественных отношений в древнем Китае в иньскую эпоху, о значительной роли еще кочевого уклада.

В главах «Основных записей» Сымом Цянем излагается довольно значительное число фактов и сведений о духовной жизни древних китайцев, об их верованиях и культах. Правда, эти материалы разбросаны и весьма отрывочны, но, тем не менее, опираясь на них можно составить общее представление об идеологии и религиозном мировосприятии китайских этносов. А если присовокупить описания этих сюжетов в древней литературе, археологические и этнографические данные, то можно составить картину верований в Поднебесной.

Материал, собранный Сымом Цянем, дает основание утверждать, что у народов древнего Китая широкое распространение получили тотемистические и анимистические верования, зафиксированные также во многих письменных памятниках нарративного характера. Большое место во воззрениях древних китайцев занимает образ Луна («дракон»). Популярность культа дракона, на наш взгляд, объясняется тем, что он некогда был тотемом древних китайских племен. Ряд сиологов даже склонны считать его обобщающим синтетическим образом, в котором

слились черты разных тотемов, и, возможно, он пользовался культом как межплеменной предок.

На наш взгляд, следует согласиться с данной мыслью Вэн Идо [1, с. 26]. В протокитайском обществе множественность племенного тотемизма усложнялось за счет взаимовлияний племен и этнокультурных общностей, социального развития – выдвигания отдельных племен, а в них – родов, что должно было сопровождаться и приобретением их тотемами особой значимости для данного общества. О том, что Лун был тотемом, говорят и мотивы чудесного рождения первопредков от драконов. До наших дней дошли многочисленные предания о рождении мифических предков от связи женщины с драконом, рождение культурного героя из крови дракона, о наличии драконовой меты на челе императора. Согласно мифам, от дракона произошел совершенно мудрый правитель Яо.

Многочисленными являются и упоминания о происхождении человека, родов и племен от медведя. Так, Желтый предок (Хуан-ди) принадлежал, согласно традиции, к роду «Владеющих медведями».

Из сведений, содержащихся в «Основных записях», также следует, что в роли тотемов выступали и различные птицы: ворон, феникс, утка, петух и др. Так, в рассказах о Бийняо, Гуомане, Луаньяо, Фэнхуане, Пэне и других повествуется о том, что птицы участвовали в создании людей, добывали пищу, воду, свет, устанавливали приливы и отливы. Сравнительно-типологическое изучение ряда фрагментов мифов, также подтверждают суждения историка о том, что многие культурные герои соединяют в себе черты человека и чудесных птиц, превращаются в птицу. Так, Гоуман имел тело птицы и лицо человека; Ду Юй, спущенный с неба, после смерти превратился в кукушку.

Встречаются в «Основных записях» и фрагментарные сведения о происхождении людей из каких-либо органических и неорганических веществ. Гора, как и камень, в древние времена мыслилась китайцами предком, сородичем. Это подтверждается таким древним письменным памятником как «Каталог гор и морей», где зафиксировано ряд фрагментов о принесении жертв различным горам: «Медведь-горе как Предку приносят в жертву яства и вина, используя утварь по ритуалу Великого Заклания» [3, с. 84]; «Горе Хлебного колоса как Предку приносят жертвы, употребляя сосуды и яства, которые полагаются при ритуалах Великого Заклания» [3, с. 91].

В культе гор, на наш взгляд, сохраняются многочисленные элементы так называемого локального тотемизма. В нем элементы фетишизма входят в сложный тотемистический комплекс, в котором выявляются и анимистические компоненты разной стадийности. Культ предков здесь переплетается с космогоническими представлениями.

Исследование текста «Исторических записей» позволяет утверждать, что в нем присутствуют мотивы происхождения родоначальника от растительного тотема. Это хорошо видно из фрагментов рассказа о происхождении ряда племен: одним из тотемных растений племени ся была йевлевая слеза, а иньцев – шелковица. В других версиях о происхождении названных племен тотемными растениями называются сосна, кипарис, кедр; Юань Кэ даже записал предание о стране Дашиван у Западного моря. Таким образом, согласно представлениям древних китайцев, в растительном свете они видели отражение собственных семейных родовых связей, значений, иерархий.

Сравнительно-типологическое исследование текстов «Исторических записей» позволяет нам говорить о том, что в них тотемные предки предстают как существа с не вполне дифференцированной двойственной зоо-антропоморфной природой, в которой явно преобладает человеческое начало. Большей частью эти люди, которые в случае необходимости превращаются в соответствующий вид животного или растения.

Анализ текстов «Исторических записей» также позволяет нам судить, что с развитием китайского общества тотемистическая и анимистическая основы религии постепенно затухают. На смену им приходят религиозно-космологические представления древних китайцев, согласно которым источниками чудесного зачатия и рождения правителей являются не тотемы, а боги и духи (Тянь – «небо»). Небо (состояло из 9 сфер) и было создателем всего сущего: народа, его правителя, пяти движущих начал – металла, дерева, огня, воды и земли. От связи с Землей оно порождало великое множество вещей.

Согласно китайской мифологии, у каждой сферы были свои верховные божества. Небесным героем-демиургом, в соответствии с китайской поздней народной мифологией, являлся Тянь-ди, который повелевал всеми божествами и духами. В качестве небесной императрицы выступала Тянь-хоу. В наиболее ранних пластах китайской мифологии упоминается Тайи («великое единство») также как небесное божество.

С развитием космогонических представлений китайцев формируется понимание единого центра. Ее божеством именовалась Хоу-ту, которой приписывалось также управление сторонами света. Князем земли изображался Ту-бо («дядюшка земли»).

По фрагменту текста Сыма Цяня можно судить, что обожеествлялась и земля. В «Исторических Записках» упоминается также и о третьей части трехсферного разделения мира – подземном царстве Диюй, повелителем которого был Дицзан-ван. В его обязанности входило спасение душ из подземного судилища. Он должен был посещать ад и во имя сострадания и любви переводить души на небо. Страной мертвых повелевала женское божество Си-ванму.

В архаическую модель мира, согласно Сыма Цяня помимо Центра входили четыре страны мира: Восток, Юг, Север, Запад. Каждой страной управлял могущественный покровитель. Так, Дун-вангун, являлся владыкой Востока и обитал в большом каменном жилище. Ростом он был в один чжан (3 м), имел облик человеческий, лицо птичье, а хвост тигра. Покровителем Запада являлся дух Байху в виде злого зверя, отпугивающего всякую нечисть. Владыкой Севера был Хэй-ди. Богом солнца и повелителем Юга был Янь-ди, который правил южными землями совместно со своим потомком богом огня Чжужунюм.

Система духов и божеств, как становится понятно из трактата Сыма Цяня, также была дополнена почитанием духов предков и их обожеествлением. По представлениям древних китайцев, в человеке существовала материальная оболочка по и духовная субстанция хунь. После смерти человек уходит в землю и превращается в земной дух гуй, а хунь возносится на небо и превращается в небесный дух шэн.

В «Исторических записках» нередко встречаются и упоминания о жертвах и службах в честь различных земных и небесных духов людей, предков, у которых живые испрашивают советов и благословения. Поклонением духам умерших, объясняет Сыма Цянь, создание системы жертвоприношений, многочисленных храмов и алтарей предков, сложного ритуала траура, культа стариков.

У ванов и князей, отмечает историк, в честь предков создавалось до семи храмов в зависимости от знатности и положения того или иного правителя. Из трактата Сыма Цяня видно, что большую роль в идеологии древних китайцев играли мантические (гадательные) обряды. В тексте «Исторических записок» историк описывает ритуал гадания на костях животных, на стеблях тысячелистника. К помощи триграммы и гексаграммы постоянно прибегали вельможи и императоры. При их дворах гадатели и прорицатели занимали почетное место. Так, Сыма Цянь писал, что Хуан-ди всегда следовал законам Неба и Земли, гаданиям по темному и светлому, толкованиям о жизни и смерти, превращениям существования и гибели [2, с. 134]. Историк сообщает, что в древнем Китае даже существовала наука геомантия, которая определяла степень влияния на судьбы царств различных божеств и духов.

Таким образом, современные ученые на основе исследования текстов «Исторических записок» смогут получить уникальные сведения о верованиях и культах китайского народа, еще более раскрыть их сложную систему религиозных и философских взглядов, особенности мышления.

Безусловно, многое в трактате Сыма Цяня следует воспринимать критически, поскольку учёный идеализировал политическую и социально-культурную жизнь в древнем Китае. Народ Поднебесной в 3 тысячелетии не был еще просвещенный, высоконравственный, исполненный гуманности, всесторонне благоденствующий.

Анализ текстов «Исторических записок» позволяет нам утверждать, что Сыма Цянь во многом следовал конфуцианским принципам (самоусовершенствование правителя, забота о народе, соблюдение порядка, установленного Небом, вера в волю верховного владыки, призыв к соблюдению законов и др.). В то же время из текстов трактата понятно, что Сыма Цянь был в

большей степени апологетом даосизма и стремился объективно изложить исторические процессы, происходившие в древнем Китае. Вследствие этого «Исторические записки» являются ценнейшим источником для современных исследователей культуры Древнего Китая.

Литература:

1. Вэнь, Идо Мифы и стихи (Шэньхуа юй ши) / Идо Вэнь. – Пекин, 1957. – 313 с.
2. Цянь, Сыма. Исторические записки (Ши цзи). Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; под общ. ред. Р. В. Вяткина; вступ. ст. М. В. Крюкова / Сыма Цянь. – Т. 1. – Москва : Наука, 1972. – 439 с.
3. Malinovsky, B. Myth in primitive Psychology / B. Malinovsky // Magic, Science and Religion. – New York, 1955. – pp. 107–108.